
Научная статья

УДК 398.8

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-96-105

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ КРОВИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ

Лейла Созакбайовна Гергокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, leylagergokova79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© Л.С. Гергокова, 2024

Аннотация. Каждый народ имеет совокупность представлений о значении и символические значения слов и выражений, которые впоследствии складываются в одну систему взглядов. Те в дальнейшем становятся признаками культурного мировоззрения народа. По древним поверьям считается, что кровь связана с душой человека. Кровотечение приравнивается к потере жизненной силы. В статье акцентируется внимание на то, что слово *къан* «кровь» в карачаево-балкарских фольклорных текстах несет в себе сакральный статус, символизирующий – жизнь, смерть, огонь, уход в другой мир, насилие, очищение и т.д. Выделено семантическое поле крови в историко-героических песнях, включающее в себя компоненты, определяющие различные эмоции, присущие человеку (кипеть, остывать, бежать, играть, течь, греться и т.д.). Также в работе отмечается, что в исследуемых песнях ярко представлены институты кровного родства и кровной мести.

Особое место в статье уделяется механизмам употребления цветовой символики *къызыл къан* «красная кровь». Обозначается, что в текстах историко-героических песен карачаевцев и балкарцев символические значения слова кровь, употребляясь с цветолексемой «красный», взаимовлияют друг на друга, усиливают выполняемые функции в контексте.

Ключевые слова: устное народное творчество, фольклор, паремии, нартский эпос, историко-героические песни, символы, кровь, кровная месть.

Для цитирования: Гергокова Л.С. Символические функции крови в карачаево-балкарских историко-героических песнях // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-2 (63). С. 96–105. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-96-105

Original article

SYMBOLIC FUNCTIONS OF BLOOD IN KARACHAY-BALKAR HISTORICAL-HEROIC SONGS

Leila S. Gergokova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, leylagergokova79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© L.S. Gergokova, 2024

Abstract. Each nation has a set of ideas about the meaning and symbolism of different words and expressions, which subsequently form into one system of views. Those

later become signs of the cultural worldview of the people. According to ancient beliefs, it is believed that blood is connected with the human soul. Bleeding is equivalent to loss of vitality. The article focuses on the fact that the word kan “blood” in Karachay-Balkarian folklore texts carries a sacred status symbolizing life, death, fire, departure to another world, violence, purification, etc. The semantic field of blood in historical and heroic songs is highlighted, which includes components that determine various emotions inherent in a person (boil, cool down, run, play, flow, warm up, etc.). The work also notes that the institutions of blood kinship and blood feud are vividly represented in the studied songs.

A special place in the article is given to the mechanisms of using the color symbols of *kyzyl kan* “red blood”. It is indicated that in the texts of historical and heroic songs of the Karachai and Balkars, the symbolic meanings of the word blood, used with the color lexeme “red”, mutually influence each other, enhance the functions performed in the context.

Keywords: oral folk art, folklore, parodies, the nart epic, historical and heroic songs, symbols, blood, blood feud

For citation: Gergokova L.S. Symbolic functions of blood in karachay-balkar historical-heroic songs. *Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin*. 2024; 4-2 (63): 96–105. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-96-105

Устное народное творчество карачаевцев и балкарцев является частью богатейшего памятника их национальной культуры. В памяти народа сохранились разные жанры фольклорных произведений, в том числе историко-героические поэтические тексты. «Народная поэзия традиционно впитывала в себя дух тех временно-пространственных явлений, которые в своих повествовательных элементах воспевали атрибуты полисинкретизма и историзма. В ней выражены широчайшие аспекты духовной культуры карачаево-балкарского народа: этнография, мифология, хореография, история, общинные и календарные обряды» [Малкондуев 2015: 18].

Цель данной статьи состоит в выявлении и вербализации этнического своеобразия символических функций *къан* «кровь» в контексте фольклорных произведений. В рамках представленного исследования является важным то, что в настоящее время в фольклористике проявляется особый интерес к изучению этнокультурной символики, мотивов в текстах разных жанров устного народного творчества. Как отмечается в трудах фольклористов и лингвофольклористов разных народов, к работам, которых мы обратились в качестве теоретической базы, для проведения данного исследования, немаловажное значение имеют типологический и сравнительно-сопоставительный методы изучения. Материалом для исследования послужили историко-героические песни карачаевцев и балкарцев, опубликованные в сборниках в разное время, выявленные путем сплошной выборки. Данная тема ранее не являлась предметом научного осмысления: не была подвергнута всестороннему анализу, что является актуальностью проведенного исследования.

Во все времена у людей вызывала повышенный интерес тема, связанная с символикой крови, этот вопрос имел особое значение и в жизни народа. Существует архаическая концепция, согласно которой кровь рассматривается как носительница жизни, источник души. Она возникает в момент рождения и останавливается после смерти. Во время всей жизни человек пользуется ею в разных ситуациях. Он также использует ее в магических ритуалах. Это доказывают и рассказы из жизненной практики, а также сюжеты из многих произведений фольклора и литературы. «Фольклорные тексты, как и образцы художественной литературы, имеющие в своей основе символические элементы, содержат определенную закодированную информацию, предполагающую не прямое прочтение текста, а расшифровку различных семантических смыслов, заложенных в нем. Поэтому фольклор можно назвать кладью символов – многозначных образов, призванных дать космогоническую модель мира при помощи неких ассоциативных рядов, которые выявляют глубинную связь с мифологией. Каждый символ наделен особой смысловой

нагрузкой, это – прежде всего, намек» [Болатова, Гергокова 2015а: 26], [Болатова (Атабиева), Гергокова 2015б]. «В карачаево-балкарской лингвокультуре концепт *къан* «кровь» занимает важное место и наделяется культовым смыслом» [Ахматова, Кетенчиев 2016: 39]. Кровь составляет основу социальных институтов: кровной жертвы, кровного родства, кровной мести. Считается что в крови обитает душа человека.

У карачаевцев и балкарцев распространенные магические свойства *къан* «кровь» получили отражение во многих жанрах фольклора. Особенно часто они встречаются в паремиях. Имеется очень много пословиц, где употребляется это слово с разным значением. Кровь иногда является символом очищающей силы (кровью смывают грехи, приносят в жертву). Например,

Къанны къан бла жуума, аманны аман бла къуума [КЪМХФС Т5 2023: 205]

Кровь кровью не смывай, зло злом не преследуй [Здесь и далее перевод автора – Л.Г.].

Или же в паремиях, где кровь связана с душой:

Къан чыкъды – жан чыкъды [КЪМХФС Т5 2023: 150]

Кровь вышла – душа ушла [Л.Г.].

Издавна в суевериях и в фольклорных тестах волк представляется как кровожадное животное, которое вместе с кровью жертвы забирает и ее силу. Проливание крови практически трактуется как его условие жизни, что отражается в пословице:

Ашаса, ашамаса да, бёрюню ауузу – къан [КЪМХФС Т5 2023: 102].

Съест или не съест, пасть волка – в крови [Л.Г.].

В древние времена было поверье, что если употребить кровь врага, то можно было таким способом забрать себе его силу. Наиболее красочно это свойство описывается в карачаево-балкарском героическом эпосе «Нарты»:

«Жаи [Къарашауай], чабын барып, къанжыгъасындан суулугъун алып, аны эмегенни къанындан толтурады. Кеси да чёмюч бла бир къан ичеди» [Нарты 1994: 203]. «Юноша [Карашауай] подбежав, забрав от тороков фляжку, наполнил ее кровью эмегена. И сам выпил ковш крови» [Л.Г.].

В нартских сказаниях встречаются тексты, в которых кровь представляется и как отравляющее вещество. В карачаево-балкарском нартском эпосе эмеген, перед тем как его разрубил нарт Сосурук, предложил ему выпить свою кровь, представляя ее источником необычайной жизненной силы.

«Эмегенни башын кесерге тебирегенлей:

– Къашыкъ бла къанымдан бир ич: ол сенге къарыу берип, – деди эмеген.

Сосурукъ эмегенни башын кеседи. Маскеге эмегенни къанын ичиреди. Ол олсагъат ёледи» [Нарта 1994: 129]

«Как только [Сосурук] собрался отрубить голову эмегену:

– Испей-ка ложку моей крови: она даст тебе жизненную силу, – сказал эмеген.

Сосурук отрубил голову эмегену. Дворяжке дал выпить кровь эмегена. Та сразу же умерла» [Л.Г.].

«Эмегены и драконы – олицетворения мощи стихий, поэтому, согласно сказаниям, их кровь и плоть обладают огромной силой: натирая глаза жиром эмегенов, нарты обретают способность видеть глубины земли, перепоясавшись кишкой убитого эмегена, нарт многократно увеличивает свою мощь, сгустки огненной крови

драконов используются богатырями для изготовления сжигающих все на своем пути стрел» [Джуртубаев 2011: 363].

В традиционной культуре карачаевцев и балкарцев лексема *къан* «кровь» представляется наиболее красочным и универсальным символом в историко-героических песнях. Здесь данный концепт несет в себе сакральный статус, символизирует – жизнь, жизненную силу, смерть, огонь, вход в другой мир, насилие, очищение и т.д. Но в основном символические функции крови определяются контекстом, построенным вокруг этого понятия. «Согласно карачаево-балкарскому языковому сознанию, кровь – это элемент внутреннего мира человека, которая так же, как и сердце, является центром человеческих страстей, представляется живой и описывается через антропоморфный код культуры, она испытывает различные эмоции, присущие человеку (кровь может кипеть, остывать, играть, мучать и т.д.), о чем свидетельствуют примеры типа *къаны къызды* «сильно разозлиться», *къаны сууду* «остудить пыл; успокоиться» [Ахматова, Кетенчиев 2016: 39].

В фольклорных поэтических произведениях встречается и иная характеристика крови: точка истечения (тело, голова), цвет (черная, алая, красная, горячая, жгучая). Это описание свойств в песнях символизирует высокие, восторженные эмоции от происходящей вокруг битвы. Например:

*«Къурч санлада бегиген ол темир жан
Терк чыкъмайды быллай тулпар жашладан,
Ётгюр сандан чартлап чыгъад исси къан,
Тешип, ётют кетед къаты ташладан»* [МТ 1993: 133]

*«Заключенный в стальные части тела железная душа
Быстро не покидает таких здоровых парней,
От отважного тела выплескивается горячая кровь,
Пробивает, проходит сквозь твердые камни»* [Л.Г.].

*«Энди, быллайдан кетала эсенг, къысха кет!
Къанны къайнатма, биз жоймаучубуз намыс»* [МТ 1993: 26]

*«Теперь, если сможешь отсюда уйти, быстро уйди!
Не зли (букв. не заставляй кровь закипеть),
мы не тратим – совесть»* [Л.Г.].

Описание жертв обладает особым воздействием на слушателя, так как изображены в основном большие, иногда гипертрофированные объемы разлитой крови персонажей. Делается акцент на большое количество погибших:

*«Къан чачылды суу ызында ташлагъа,
Къызла да къошулдула къазауатда жашлагъа.
Къазауат барды, жерге къызыл къанла сингдирип
Къатынланы, къызланы атлагъа миндирип»* [МТ 1993: 125]

*«Кровь брызнула на камни, стоящие, по течению реки
И девушки присоединились к парням.
Шла битва, пропитав землю красной кровью
И женщин, и детей, посадив на коней»* [Л.Г.].

*«Эки да окъ тийгенед Джамболат-батырны белине,
Уой, не келе болур эд ол заманда кёлюне?
Кюкюрей тургъан эди алгъа ол, кёк киби,
Къаны жерде уюп барады, кёл киби»* [МТ 1993: 50]

«Две пули поразили мужественного Джамболата в поясницу,
Ой, что ему приходило на ум тогда?
Гремел он сначала как небо,
Кровь на земле застывает как озеро» [Л.Г.]

Кровь представителей вражеского стана характеризуется по-другому. При описании этой сакральной жидкости в историко-героических песнях иногда может подчеркиваться воинский статус ее владельца, при этом дается отрицательная личностная характеристика:

*«Жарлы анала балаларына жилийла,
Ёлюклени баш туклерин сылайла:
– Ийнаралгъа ит териден кебин бичерек,
Аны къанын бал татдырып ичерек»* [МТ 1993: 125]

«Несчастные матери оплакивают своих детей,
Погибшим гладят на голове волосы:
– Генералу из шкуры собаки выкроим саван,
Его кровь выпьем с удовольствием» [Л.Г.]

*«Абычарла, ийнаралла – къанлыла,
Кечилирми бюгюн этген ишигиз,
Тулпарладан тууарла мазаллыла,
Ол кюн тюшер сизни къабан тишигиз»* [АТЖД 2015: 112]

«Офицеры, генералы – кровные враги,
Простятся ли ваши сегодняшние дела?
От богатырей рождаются исполины,
Тогда и выпадут ваши кабаньи клыки!» [Л.С.]

При помощи эпитетов символизируется низменная, нечистая, скверная природа вражеской крови, вызывающая ярость и негативные эмоции у слушателя:

*«Аладан акъгъан харам мурдар къан
Суканны сууун мор этди,
Ол халкъны къыргъан ит кадетлеге
Ма энди бюгюн дерт жетди»* [АТЖД 2015: 355]

«Вытекшая из них оскверненная, подлая кровь
Окрасила реку Сукан в коричневый цвет,
Этих, истребивших народ, псиных кадетов
Вот сегодня настигла месть» [Л.Г.]

*«Ой, башынгдагъы акъ къалпагъынгы,
Жамал, жел уруп, артха къайырды,
Къара къан жаусун Къалмукъ улуна,
Ол тенглерингден айырды»* [АТЖД 2015: 380]

«Ой, на голове белую шляпу
Жамал, ветер сдув, назад опрокинул,
Пусть черная кровь прольется на сына Калмука
Он тебя отделил от друзей» [Л.Г.]

Как мы отметили выше, кровь – первооснова жизненной силы, потеря большого количества крови влечет за собой смерть. Следовательно, пролить кровь – убить, потерять кровь – погибнуть, сражаться до последней капли крови – пока смерть не заберет. В историко-героических песнях кровь в основном выступает как символ смерти. Ее главная функция – течь, она льется ручьями и потоками. Ассоциируя кровь с текучей водой, люди как бы переносили значение крови на окружающую природу, являясь проводником в другой мир:

*«Къош-къош тийип, къылычлары чакъдыла, ойра,
Кенг майданда къан ырхыла акъдыла, о-ой,
Орайда, эй-хей, ойра, осей, орайда»* [МТ 1993: 19].

*«Столкнувшись друг с другом, мечи заискрились, ойра,
На широкой площади кровавые ручьи сошли, о-ой,
Орайда, эй-хей, ойра, осей, орайда»* [Л.Г.].

*«Ой, Уллу Хожда бир сейир барды, танг барды,
Тохтамай, жети кюнню къызыл-ала къан барды»* [МТ 1993: 124]

*«Ой, в Большом Хоже наступает такое удивительное утро,
Не переставая, семь дней течет красно-алая кровь»* [Л.Г.].

Кровь в историко-героических песнях выступает как многогранный и сложный образ, воплощающий, как положительные, так и отрицательные аспекты существования. Олицетворяет неизбежность смерти, самоотверженность:

*«Ой, къара сууда, хажы, ала чабакъла ойнайла,
Акъыллы башынгда уа къан къазанла къайнайла»* [АТЖД 2015: 329]

*«Ой, в чистой воде, хаджи, красная рыба водится,
В твоей умной голове кровавые казаны кипят (от мыслей)»* [Л.Г.].

*«Ол ёртен а тюлдю, къанлы ёлетди,
Акъыллы башланы тели этди, сер этди»* [МТ 1993: 115]

*«Это не пожар, а кровавая чума,
Умные головы сделал безумными, рассеянными»* [Л.Г.].

Более ярко описываются мучения народа, когда в сочетании с лексемой *къан* «кровь» в тексте выступают слезы и пот как выражение страдания. В ряде песен эти понятия используются параллельно:

*«Сенден акъгъан бу исси къан тамчыла
Жылятырла барып тамгъан жерлерин,
Негерлеринг, кийип къара жамчыла,
Къабырынгда сюртюрле къан терлерин»* [МТ 1993: 135]

*«С тебя упавшие эти горячие капли крови
Заставят плакать места, куда упали,
Твои друзья, одев черные бурки,
У могилы твоей вытрут кровавый пот»* [Л.Г.].

В историко-героических песнях одним из главных мотивов является кровная месть. Этот обычай действовал во многих регионах мира. Если человек убил

кого-нибудь из другого рода, месть должна была осуществлена пролитием вражеской крови: даже не обязательно крови самого убийцы, а кого-нибудь из мужчин из рода обидчика. В карачаево-балкарских историко-героических песнях часто встречается выражение *къанлы жау* «кровный враг», как предупреждение о будущей мести:

*«Сары къая сюеледи аллымда,
Жаны болуп, киши келмейд къатыма,
Къанлы жауум кюле болур артымдан,
Ит ийнарал минген болур атыма»* [АТЖД 2015: 118]

*«Желтая скала стоит передо мной,
Никто живой ко мне не подходит,
Кровный враг мой, наверное, смеется, мне вослед,
Пес-генерал, наверное, сел на моего коня»* [Л.Г.].

*«Жара къолунгу сен узатдынг таулагъа,
Ана журтунг, уллу терен ёзеннге,
Тиш къысханча сора къанлы жаулагъа:
– Жыйгъансыз, – деп, – бизни такъыр гёзеннге»* [АТЖД 2015: 111]

*«Раненую руку ты протянул к горам,
К родине-матери, большому глубокому ущелью,
Словно, тая месть кровным врагам,
– Загнали вы нас в тесный загон, – говоря»* [Л.Г.].

В древние времена бытовал специальный этикетный императив поведения кровных врагов. По народным представлениям пострадавший не мог обрести покой, если не был отомщен. В историко-героических песнях ярко представлен институт кровной мести.

*«Тизгинлешип, ёзенни ёрге жау кирди,
Батыр Къайтукъ сабийлеге кёл берди:
– Таулчукъла, сиз да ёсюп жетерсиз,
Бу къан дертни жууапларын этерсиз!»* [МТ 1993: 131]

*«Рядами в долину зашел враг,
Мужественный Кайтук подбодрил детей:
– Дети гор, вы тоже подрастете,
Этой кровной мести дадите ответ»* [Л.Г.].

В песне «*Атабийни жыры*» «Песня Атабия» описывается сюжет кровной мести. Здесь слепой старец Атабий отомстил за своих дочерей, которых продали Абаевы. Он попросил кузнеца смастерить ему нож, якобы для того, чтобы с его помощью мог спокойно есть мясо. На самом же деле несчастный отец, готовил месть. Он подкараулил спящих молодых людей из Абаевых и перерезал им горло. Старик сам, довольный исполненным долгом кровной мести, признался Абаевым в жестоком убийстве, хотя знал, что за это он поплатится жизнью:

*«Жатхан жерлерин Атабий билгенди,
Кече арада юслерине киргенди.
Кёзю къырау, шыхыртха уа игиди,
Къызгъан жюрек къан алыргъа тириди.*

*Эки улан жукълайла хурулдашып,
Атабий да сермеди, жууукълашып.
Бичакъ бла тартды богъурдакъларын:
«Энди ичигиз къызларымы хакъларын!»* [МТ 1993: 161]

«Где они спали Атабий знал,
Посреди ночи к ним зашел.
Глаза плохи, но звуки хорошо слышит.
Горящее сердце готово к кровной мести (забрать кровь)
Двое юношей спят, храпя,
Атабий размахнулся, подойдя.
Провел ножом по горлу обоих:
«Теперь можете пить плату за моих дочерей» [Л.Г.].

Кровь в произведениях ассоциируется с его цветом, поэтому их семантические функции взаимовлияют друг на друга: особенности красного цвета передаются на символику крови. В то же время жизненная необходимость крови распространяется на смысл красного цвета.

*«Атла болдула
Тёгергизбизде тамам темир кълалала.
Къызыл кълан болдула
Шейип кълзауат этген талала»* [МТ 1993: 140]

«Кони стали
Вокруг нас железными замками.
В красную кровь окрасились
Поля где сражался Шейип» [Л.Г.].

*«Абайлада эки улан бар элле,
Ала басхан жерле къызыл кълан элле»* [МТ 1993: 161]
«У Абаевых было два парня
Где они проходили, там все окрашивалось в красную кровь» [Л.Г.].

*«Артха турмай, намысынга уялып,
Сермешесе, къызыл къланнга боялып»* [МТ 1993: 188]
«Не отступая, стыдясь совести,
Сражаешься, в красную кровь окрасившись» [Л.С.].

Таким образом, «народная символика основывалась на многовековом опыте и наблюдениях человека за природой. Символы в фольклоре явились результатом субкультуры, поэтому опосредованно влияли на сознание людей, отражая специфику национального мышления» [Болатова, Гергокова 2015а: 26]. Благодаря активному использованию символических функций *кълан* «кровь» в карачаево-балкарских фольклорных произведениях, можно отметить, что она выступает как символ рода, жизненной силы, жестокости, смерти, кровной мести и т.д. Символические значения крови в историко-героических песнях в совокупности отражают дух народа, формирование его восприятия.

Список источников и литературы

АТЖД 2015 – *Алан тарих жигитлик дастаны*. Том III. / жарашдыргъан, ал сёзю бла тафсирлерин жазгъан Джуртубайланы М.Ч. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2015. 399 б.

(Аланский героико-исторический эпос. Том III. Составление, предисловие и комментарии М.Ч. Джуртубаева. Нальчик: ООО ООО «Тетраграф», 2015. 399 с.). На кар.-балк. и русс. яз.

Ахматова, Кетенчиев 2016 – *Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б.* Семантическое пространство концепта «къан/кровь» в карачаево-балкарском языке // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* Грамота, 2016. № 6 (60): в 3-х ч. Ч. 2. С. 38–41.

Болатова (Атабиева), Гергокова 2015а – *Болатова (Атабиева) А.Д., Гергокова Л.С.* Интерпретация числовой символики в карачаево-балкарском фольклоре и литературе // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2015 (а). № 8-3 (50). С. 26–29.

Болатова (Атабиева), Гергокова 2015б – *Болатова (Атабиева) А.Д., Гергокова Л.С.* Специфика символических цветообозначений в фольклорных и художественных текстах // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2015. № 9-2 (51). С. 36–39.

Джуртубаев 2011 – *Джуртубаев М.Ч.* Мифология и эпос карачаево-балкарского народа: Древние верования балкарцев и карачаевцев. Карачаево-балкарский героический эпос. Нальчик: Эльбрус, 2011. 488 с.

КЪМХФС 2022 – *Къарачай-малкъар фольклорну своду.* 5-чи том. Къарачайлыланы бла малкъарлыланы келден айтылгъан чыгъармачылыкларыны гитче жанрлары / жууаплы редактор Берберланы Б.А. Нальчик: РИА КъМИА ГТИни редакторлу-басма бёлюмю, 2022. 412 б. (Свод карачаево-балкарского фольклора. Том 5. Малые жанры фольклора карачаевцев и балкарцев / отв. ред. Б.А. Берберов. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2022. 412 с).

Малкондуев 2015 – *Малкондуев Х.Х.* Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV–XVIII века). Нальчик: ОСЮ «Печатный двор», 2015. 312 с.

Минги тау. Эски жырла. № 4. Нальчик: «Эльбрус» китап басма, 1993 ж. 224 б. (Эльбрус. Старые песни. № 4. Нальчик: изд-во «Эльбрус», 1993. 224 с.).

Нарты 1994 – *Нарты. Героический эпос карачаевцев и балкарцев.* М.: Наука: Восточная литература, 1994. 656 с.

References

Alan tarikh zhigitlik dastany. Tom III. / zharashdyrg’an, al syozyu bla tafsirlerin zhazg’an Dzhurtubajlany M.CH. Nal’chik: ООО Telegraf, 2015. 399 b. (*Alanskij geroiko-istoricheskij ehpos* [Alanian historical-heroic epic] Tom III. Sostavlenie, predislovie i kommentarii M.CH. Dzhurtubaeva. Nal’chik: ООО Tetrograf, 2015. 399 p.). (On the kar.-balk. and Russ. Languages)

АХМАТОВА М.А., КЕТЕНЧИЕВ М.Б. *Semanticheskoe prostranstvo koncepta “k”an/krov” v karachaevo-balkarskom yazyke* [Semantic space of the concept “qan/blood” in the Karachay-Balkar language]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* Gramota, 2016. № 6 (60): v 3-h ch. Ch. 2. P. 38–41.

БОЛАТОВА (АТАБИЕВА) А.Д., GERGOKOVA L.S. *Interpretaciya chislovoj simboliki v karachaevo-balkarskom fol’klore i literature* [Interpretation of numerical symbols in Karachay-Balkar folklore and literature // *Philological sciences.*] IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* 2015. № 8-3 (50). P. 26–29.

БОЛАТОВА (АТАБИЕВА) А.Д., GERGOKOVA L.S. *Specifika simbolicheskikh cvetooboznachenij v fol’klornyh i hudozhestvennyh tekstah* [Specificity of symbolic color designations in folklore and artistic texts]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* 2015. № 9-2 (51). P. 36–39.

DZHURTUBAEV M.CH. *Mifologiya i epos karachaevo-balkarskogo naroda: Drevnie verovaniya balkarcev i karachaevcev. Karachaevo-balkarskij geroicheskij epos* [Mythology and epic of the Karachay-Balkar people: Ancient beliefs of the Balkars and Karachays.]. Nal’chik: El’brus, 2011. 488 p.

MALKONDUEV H.H. *Istoriko-geroicheskie pesni karachaevo-balkarskogo naroda (konec XIV–XVIII vekov)* [Historical and heroic songs of the Karachay-Balkarian people (late XIV–XVIII)]. Nal’chik: Pechatnyj dvor, 2015. 312 p. (In Russian)

Mingi tau. Eski zhyrла. № 4. Nal’chik: «El’brus» kitap basma, 1993 zh. 224 b. (El’brus. Starye pesni. № 4. Nal’chik: izd-vo «El’brus», 1993p. 224 p.). (In Russian)

Narty. Geroicheskij epos karachaevcev i balkarcev [Heroic epic of the Karachays and Balkars.]. M.: Nauka: Vostochnaya literatura, 1994. 656 p.

K"arachaj-malk"ar fol'klornu svodu. 5-chi tom. K"arachajlylany bla malk"arlylany kyolden ajtylg"an chyg"armachylyk"laryny gitche zhanrlary / zhuuaply redaktor Berberlany B.A. Nal'chik: RIA K"MIА GTIni redaktorlu-basma byolyumyu, 2022. 412 b. (Svod karachaevo-balkarskogo fol'klora [Code of Karachay-Balkar folklore.]. Tom 5. Malye zhanry fol'klora karachaevev i balkarcev / otv. red. B.A. Berberov. Nal'chik: Redakcionno-izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2022. 412 p).

Информация об авторе

Л.С. Гергокова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора.

Information about the author

L.S. Gergokova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector Karachay-Balkarian Folklore Sector.

Статья поступила в редакцию 27.11.2024; одобрена после рецензирования 08.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 27.11.2024; approved after reviewing 08.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.